

Михайленко Елена Николаевна

СЮЖЕТ О КАИНЕ И АВЕЛЕ В АНГЛИЙСКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ДРАМАТУРГИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Настоящая статья посвящена сюжету о Каине и Авеле в обработках ряда английских романтиков (С. Т. Кольридж, В. Вордсворт, Д. Г. Байрон). Особое внимание автора статьи уделено исследованию причин востребованности библейской легенды о первом братоубийстве в английской романтической литературе в контексте национальной литературной традиции и европейских общекультурных процессов Нового времени, связанных с десакрализацией Библии и становлением естественнонаучной картины мира.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/3-3/35.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45): в 3-х ч. Ч. III. С. 126-129. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**REPRESENTATION OF DIALECT SPEECH PECULIARITIES OF THE DON COSSACKS
IN THE SECONDARY TEXT (BY THE MATERIAL OF M. A. SHOLOKHOV'S WORKS
AND THEIR TRANSLATIONS INTO THE ENGLISH LANGUAGE)**

Miroshnikova Lyudmila Ivanovna

Southern Federal University

mludai@mail.ru

In the article the author considers the specificity of representation in the secondary (translated) text of phonetic, lexical and grammatical dialect peculiarities observed in the speech of the Don Cossacks in the works of M. A. Sholokhov. It is ascertained that the dialect vocabulary is represented by several ways in the English language. In turn, the linguistic units which have phonetic and grammatical dialect peculiarities are often conveyed by the means of the English literary language.

Key words and phrases: speech of the Don Cossacks; dialect peculiarities; secondary text; equivalent; variant correspondence; description; transcription; transliteration; contextual correspondence; literary standard; compensation.

УДК 82(1-87)

Филологические науки

Настоящая статья посвящена сюжету о Каине и Авеле в обработках ряда английских романтиков (С. Т. Кольридж, В. Вордсворт, Д. Г. Байрон). Особое внимание автора статьи уделено исследованию причин востребованности библейской легенды о первом братоубийстве в английской романтической литературе в контексте национальной литературной традиции и европейских общекультурных процессов Нового времени, связанных с десакрализацией Библии и становлением естественнонаучной картины мира.

Ключевые слова и фразы: библейская легенда о Каине и Авеле; десакрализация Библии; естественнонаучная картина мира; романтическое мифотворчество; Кольридж; Вордсворт; Байрон.

Михайленко Елена Николаевна, к. филол. н.

Башкирский государственный университет, г. Уфа

mikhaylenko71@bk.ru

**СЮЖЕТ О КАИНЕ И АВЕЛЕ В АНГЛИЙСКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ
ДРАМАТУРГИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА[©]**

В первой половине XIX в. среди английских романтиков отмечается всплеск интереса к теме Каина и Авеля. Речь не идет о случайности или литературной моде, и вопрос о причинах востребованности этого библейского сюжета среди драматургов заслуживает специального исследования, как и вопрос о характере интерпретаций легенды. Этим двум проблемам посвящена настоящая статья.

Истоки интереса к ветхозаветной легенде о первом убийстве на земле, в конечном счете, определяются сложными процессами в европейской духовной атмосфере XVIII-XIX столетий. Благодаря научным открытиям Нового времени в эпоху Просвещения кардинально изменяются представления о мире, во все сферы духовной деятельности проникает дух сомнения, требующий переосмысления прежних истин. В век интеллектуальной свободы и упадка религиозной страсти критический подход затрагивает и область религии: *Попытка постичь Бога должна привлекать фантазию тем больше, чем обширнее становится Вселенная*, – так обозначил новый подход к религии Ч. Бэрд [1, с. 353].

Именно в эпоху Просвещения начался и процесс десакрализации Библии, которая стала объектом изучения европейских историков и филологов (в частности, И. Г. Гердера и Г. Э. Лессинга) и подверглась литературной и исторической критике. Библейская космогония и история, утратив свое сакральное значение, была осознана как мифология, отражающая представления о мире и моральные законы одного из народов, когда-то населявших землю.

Массовое сознание XVIII-XIX вв. почти не затронули революционные перемены, касающиеся восприятия Писания, однако в сфере культуры и искусства этих перемен нельзя было не заметить. В глазах поколения романтиков Библия утратила свой авторитет в качестве единственного источника священного знания, оставаясь при этом хранилищем величайших духовных истин. Независимо от своих религиозных убеждений английские романтики восторгались ею как произведением искусства либо воспринимали ее в качестве «системы символов» (С. Кольридж). Библия оказалась включенной в широкий культурный контекст и заняла свое место среди мировых литературных памятников.

Американский исследователь Д. Буш, посвятивший одну из своих работ проблеме взаимодействия языческой и христианской мифологии, пришел к выводу, что для английских поэтов романтического поколения и

языческие мифы, и христианские символы были в равной мере секуляризованными [4, р. 58]. (*Здесь и далее перевод автора – Е. М.*) Используя их в качестве метафор и символов, романтики получали возможность исследовать в нравственно-философском и общекультурном аспектах круг проблем, прежде составлявших содержание теологических изысканий: объяснение существования зла, смысл грехопадения, свобода воли человека.

Так, символический смысл грехопадения усматривался поэтами романтического поколения в зарождении самосознания, которое отделило человека от природы, лишив его невинности и безмятежности: способность к рефлексии усложняет существование, обостряет противоречия сознания и не способствует формированию гармоничного мироощущения. По замечанию Н. Фрая, «*the alienated man cut off from nature by his consciousness is the Romantic equivalent of post-Edenic Adam*» [7, р. 18]. / «*отчужденный человек, отрезанный от природы своим самосознанием — романтический эквивалент Адама после изгнания из Эдема*».

Для постановки названных вопросов как нельзя лучше подходила история Адама и Евы. Причину, по которой, начиная с рубежа XVII-XVIII вв., художники предпочли вместо нее обращаться к легенде о Каине и Авеле — сюжету, казалось бы, менее «удобному», — сформулировал английский литературовед М. Ростон. Этой причиной он считал авторитет «Потерянного рая» Мильтона. Во второй половине XVII в. Мильтон, по мнению Росто́на, сделал историю грехопадения Адама и Евы настолько своей, что внушил поэтам страх перед обвинением в плагиате за любое произведение, лишь отдаленно напоминающее «Потерянный рай» [8, р. 199]. Если исследователь и преувеличил опасения художников быть обвиненными в плагиате как таковом, то можно понять их нежелание обращаться к теме, столь исчерпывающе разработанной патриархом английской литературы.

Таким образом, поэты двух последующих столетий оказались перед необходимостью искать обходные пути — другие сюжеты, допускающие аналогичную интерпретацию, и выяснилось, что история Каина и Авеля соответствует предъявляемым требованиям. Параллели между двумя легендами просматриваются отчетливо: первое неповиновение человека Богу и первое нарушение морального закона, принесшее в мир смерть. Из Эдема в скорбный мир изгнаны Адам и Ева; ему предстоит работать в поте лица, а ей рожать в муках. Каин, их сын, проклят, изгнан со своей земли и обречен на скитания.

Вместе с тем различие этих эпизодов книги Бытия принципиально: невольное непослушание человека в одном случае и намеренное противопоставление себя Богу и его закону — в другом. История о Каине была предпочтительнее для художников XVIII-XIX вв. еще и тем, что она открывала широкие возможности интерпретации событий эпизода: в тексте Библии опущена мотивация действий Каина, как, впрочем, и действий других персонажей во многих легендах Ветхого Завета. В изложении истории Адама и Евы тоже встречаются такие логические пробелы, но Мильтон сумел устранить неясности исходного текста и представить стройную и художественно убедительную картину.

Начало длительной литературной традиции положил в 1760 г. немецкий поэт Соломон Гесснер своей прозаической поэмой «Смерть Авеля» (. *Der Tod Abeles*). Она была сразу же переведена на английский язык, имела огромный успех и выдержала около двадцати изданий за последующие сорок лет. Самого Гесснера некоторые критики даже ставили в один ряд с Мильтоном. Наиболее разумное объяснение успеха книги Гесснера, вероятно, в том, что это первое литературное произведение (средневековые мистерии не в счет), где Каин и Авель выступают как главные герои. Впрочем, в общепринятую интерпретацию библейской легенды Гесснер внес некоторые изменения, а именно: причиной первого братоубийства стала в изображении поэта не только зависть Каина, но и его забота о своих потомках. Коварный дьявол показал Каину картину будущего, в котором его дети преследуются и поработаются детьми Авеля. Сама попытка хотя бы отчасти оправдать Каина была новой и неожиданной для публики. Вдобавок Гесснер заставил братоубийцу раскаться, сделал его мелодраматическим героем. Поток слез, проливаемый Каином, также не соответствовал привычному представлению о нем как о злобном завистнике и внушали сентиментальным читателям чувство жалости.

Заслуживает внимания вопрос о том, как образ дьявола смог вообще появиться в этом сюжете. Средневековые мистерии, на которые опирался Гесснер, подобных мотивов не содержали и не могли содержать. Создатели мистерий, зачастую вольно обращаясь с исходным текстом, все же не могли позволить себе существенно переиначивать священные сюжеты. Англо-нормандская мистерия XII в. «Представление об Адаме» во второй ее части, посвященной Каину и Авелю, показывала, как братоубийцу утаскивают черти, подгоняя его ударами. Этот мотив вполне укладывался в рамки средневекового представления о наказании, ожидающем грешника, и служил назиданием для зрителей. А главное, присутствие чертей здесь не являлось элементом, осложняющим и развивающим сюжет. Однако Гесснер создавал свою поэму еще и под впечатлением от «Потерянного рая» Мильтона. Вероятнее всего, яркая фигура Сатаны и навела немецкого поэта на мысль сделать дьявола одним из героев «Смерти Авеля», тем более что библейский текст не препятствовал подобному нововведению. Так, первое же произведение о Каине подготовило почву для последующих романтических интерпретаций этого сюжета. Действительно, поэма Гесснера оказала серьезное воздействие на английских романтиков, хорошо знавших ее.

С. Т. Кольридж и В. Вордсворт в 1798 г. условились создать прозаическую поэму в подражание «Смерти Авеля». Вордсворту предстояло написать первую песнь, Кольриджу — вторую; за третью должен был взяться тот, кто раньше закончит свою часть работы. Вордсворт не смог написать ни строчки, тогда как его компаньон очень быстро представил «готический» (Кольридж) эпизод «Скитания Каина» (. *The Wanderings of Cain*). Он был опубликован только в 1828 г. с предисловием, в котором Кольридж и рассказал историю возникновения фрагмента, а также объяснил, почему поэма не была завершена: «*The whole scheme... broke up in a laugh: and the Ancient Mariner was written instead*» [6]. / «*Вся схема... развалилась от смеха, и взамен*

был написан “Старый мореход”». В самом деле, истории братоубийцы Каина и моряка, убившего альбатроса, обнаруживают глубокое и отнюдь не случайное сходство.

В «Скитаниях Каина» Кольридж изобразил жизнь героя после проклятия и изгнания. Каин предстает здесь вполне романтической фигурой. Страдая и раскаиваясь, он напоминает, скорее, Иова, чем гесснеровского братоубийцу. В его сетованиях звучит протест против жалкого существования человека, которое называется жизнью и на которое обрек его Бог. Человек страдает незаслуженно, поскольку по собственной воле не мог бы упасть и не мог бы подняться. В пути Каину является дух его брата, бесприютный и не нашедший покоя. «*Didst thou not find favour in the sight of the Lord thy God?*» / «*Разве не нашел ты благоволения перед лицом Бога твоего?*» — спрашивает Каин и слышит в ответ: «*The Lord is God of the living only, the dead have another God*» [5]. / «*Этот Бог — только для живых, у мертвых другой Бог*», — и он не расположен к Авелю.

Разделяя мироздание на две независимые сферы, Кольридж тем самым допускает существование двойной шкалы морали: в мире живых и мертвых мера оценки деяний человека неодинакова. Таким образом, Каин фактически освобождается от ответственности за свое преступление. Ради этого вывода поэт подвергает сомнению одну из ключевых идей христианства — идею воздаяния за грехи в посмертной жизни. Был этот фрагмент шуткой или не был, но священные чувства христиан он должен был задеть сильнее, чем нашумевшая мистерия Д. Г. Байрона «Каин» (1821 г.), вызвавшая ожесточенную полемику и град обвинений со стороны Церкви. Нам неизвестна реакция Церкви на публикацию «Скитаний Каина», как неизвестно и то, знал ли о существовании еще не вышедшего в свет эпизода Байрон (фрагмент был опубликован спустя четыре года после смерти поэта).

Байрон был первым из поэтов, предложившим полноценную драматическую версию истории Каина. Он следовал по пути, проложенному Гесснером, хотя в предисловии к «Каину» и отрицал наличие связи между двумя произведениями. Действительно, именно Гесснер создал ту общую модель сюжета, которой Байрон воспользовался: один из главных ее элементов — образ дьявола, органично вписавшийся в историю о первом братоубийстве. Впрочем, образ Люцифера появился в мистерии Байрона еще и благодаря все тому же «Потерянному раю», который Байрон, по его признанию, очень часто перечитывал в детстве и юности.

В самом общем виде центральный конфликт мистерии выглядит как столкновение между свободной мыслью и конформизмом, основанным на страхе. Патриархальная модель социума, представленная семьей Каина, опирается на силу авторитета Иеговы и пресекает любые попытки усомниться в его благости. Поэтому одной из задач Байрона становится стремление развенчать этот авторитет и выбить почву из-под ног его апологетов. Выйти за пределы законопослушного социума и увидеть со стороны изъяны его системы ценностей Каину помогает Люцифер, сопровождающий старшего сына Евы в путешествии по Вселенной. Байрон напрямую сталкивает библейскую модель мироздания с естественнонаучной картиной мира и обнаруживает их несовместимость: «среди бесчисленных звезд нет места для персонифицированного божества» [3, р. 284]. Речь не об инфантильно-прямолинейном разоблачении религиозных представлений о мире при помощи научного знания. Из бесконечного космоса с множеством миров Иегова видится локальным божеством, установившим свои законы в одном из уголков мироздания, а на его природу лучше всего указывает предпочтение кровавого жертвоприношения, возмущившего Каина. И богоборческий бунт Каина — первая на Земле попытка мыслящего индивида воспротивиться репрессивному миропорядку, неизбежно приведшая к трагическому итогу. По сути, Байрон привел в столкновение современную ему систему ценностей, основанную на авторитете христианства, и принцип духовной свободы, воплощенный в образе романтической эмансипированной личности. Он уже в первой трети XIX столетия поставил проблему духовной свободы человека и ответственности за ее последствия — проблему, которая особенно остро встала перед европейской культурой в XX веке с его трагической историей.

И. В. Гете в одной из бесед с Эккерманом отметил, что байроновская мотивировка первого братоубийства «по красоте не имеет себе равных в мире» [2, с. 236]. Действительно, Байрону удалось кардинально и убедительно переосмыслить библейскую легенду в духе богоборчества, согласующегося с романтическим мироощущением. Одним из его источников можно считать «Потерянный рай» Мильтона, прочитанный английскими романтиками как гимн бунту против несправедливого авторитета.

Таким образом, в двух исследованных в статье романтических интерпретациях сюжета о Каине и Авеле акценты смещены в сторону усиления трагического звучания образа Каина. Подобное переосмысление общепринятой традиции истолкования легенды стало возможным благодаря отделению мифа от религиозного контекста в условиях изменяющейся картины мира Нового времени и десакрализации Библии.

Список литературы

1. Бэрд Ч. Реформация XVI в. в ее отношении к новому мышлению и знанию. СПб.: Типография Гершуна, 1897. 362 с.
2. Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М.: Художественная литература, 1981. 687 с.
3. Bostetter E. The Romantic Ventriloquists. Seattle: University of Washington Press, 1963. 351 p.
4. Bush D. Pagan Myth and Christian Tradition in English Poetry. Philadelphia: American Philosophical Society, 1968. 112 p.
5. Coleridge S. T. Wanderings of Cain. Canto II [Электронный ресурс]. URL <http://www.rc.umd.edu/editions/cain/1828canto2.html> (дата обращения: 09.01.2015).
6. Coleridge S. T. Wanderings of Cain. Prefatory Note [Электронный ресурс]. URL <http://www.rc.umd.edu/editions/cain/preface.html> (дата обращения: 09.01.2015).
7. Frye N. A Study of English Romanticism. N. Y.: Random House, 1968. 180 p.
8. Roston M. Biblical Drama in England. From the Middle Ages to the Present Day. L.: Faber and Faber, 1968. 335 p.

THE STORY OF CAIN AND ABEL IN THE ENGLISH ROMANTIC DRAMATURGY OF THE FIRST QUARTER OF THE XIX CENTURY

Mikhailenko Elena Nikolaevna, Ph. D. in Philology
Bashkir State University, Ufa
mikhaylenko71@bk.ru

The article is devoted to the story of Cain and Abel in the interpretations of some of the English romanticists (S. T. Coleridge, W. Wordsworth, G. G. Byron). The author focuses on investigating the reasons for the relevancy of a Biblical legend on the first fratricide in the English romantic literature in the context of national literary tradition and European general cultural processes of the new epoch associated with the desacralization of Bible and formation of naturalistic picture of the world.

Key words and phrases: Biblical legend of Cain and Abel; desacralization of Bible; naturalistic picture of the world; romantic myth creation; Coleridge, Wordsworth; Byron.

УДК 8.81*253

Филологические науки

В статье представлены лингвистические и экстралингвистические факторы перевода, оказывающие влияние на осуществление опосредованной двуязычной коммуникации. Перевод рассматривается не только как элементарная смена кодов одного языка на другой, а как сложный вид речевой деятельности, имеющий свой мотив, цель и закономерности. Особое внимание авторы уделяют описанию специфики межъязыковых трансформаций, влияющих на эквивалентность перевода.

Ключевые слова и фразы: перевод; экстралингвистические факторы; акт коммуникации; перекодирование; анализ и синтез высказывания.

Морозова Ольга Николаевна, к. пед. н., доцент

Кажанова Зоя Николаевна, к. пед. н., доцент

Тамбовский государственный технический университет
morozova-on@mail.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА[®]

Параллельно с обращением лингвистики к речи наблюдалась определенная консолидация всех наук о человеке (социология, психология, этнография, физиология, теория коммуникации и информации). На их основе происходило зарождение новых наук (психолингвистика, социолингвистика, этнолингвистика и др.) [3]. Стало очевидно, что невозможно изучать речь в отрыве от говорящего человека как представителя определенной культуры, определенного социального коллектива и как индивида, имеющего свои субъективные черты. Язык всегда неотделим от человека, а последнего невозможно представить вне его субъективных суждений и субъективных восприятий.

В число компонентов переводческой деятельности, моделируемой в теории перевода, помимо языка входят тексты, культура и ситуации. Следовательно, на перевод оказывают влияние не только лингвистические – или языковые – составляющие, но и экстралингвистические, которые не представляют собой некий «сверхъязыковой остаток», как полагал А. И. Смирницкий [6], а являются неотъемлемыми составными частями акта двуязычной коммуникации, без которых речь немислима.

С целью выявления и описания лингвистических и экстралингвистических факторов перевода, их взаимосвязей и взаимозависимости проанализируем процесс перевода как специфический вид речевой деятельности, определим его ключевые особенности, рассмотрим на практических примерах вероятность возникновения трудностей в понимании, возникающих при переводе в силу как лингвистических, так и экстралингвистических причин.

Несмотря на единство законов логики и познания мира, различные народы обладают специфическим «видением» мира, по-разному отражают в языке окружающую их действительность, и что сама действительность может не полностью совпадать для разных народов. Национальное своеобразие не только формальных, но и семантических структур различных языков объясняет определенный мотив и цель, из сложного взаимодействия которых рождается смысл текста или высказывания в понимании его автора. Говорящий (или пишущий) сообщает собеседнику (или читателю) какую-то информацию, выражает свои эмоции или стремится вызвать какие-то эмоции у получателя информации, иногда старается побудить его к какому-то действию, в том числе речевому, спросить его о чем-либо и т.д. Какова бы ни была конкретная цель автора текста, он всегда стремится воздействовать тем или иным образом на интерпретатора текста, регулируя его поведение в самом широком смысле слова (сознание, побуждения, поступки и т.д.).